

№ 3 (43) ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Январь, 2016

Валдай

Международный
Дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ХАОС ВО ВЗАИМОЗАВИСИМОМ МИРЕ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ К НАЧАЛУ 2016 ГОДА

Дмитрий Суслов

Об авторе:

Дмитрий Суслов

*Директор программы «Глобализация и регионализация: как меняется глобальная среда»
Международного дискуссионного клуба «Валдай»*

В 2015 году глобальный контекст международной политики продолжало лихорадить. Его отличительной чертой была нелинейность и непредсказуемость, когда одновременно происходили прямо противоположные процессы, а отношения между государствами становились все более запутанными и сложными. Тенденции усиления хаоса, беспорядка и фрагментации преобладали над интеграцией, согласованностью и порядком. Мир, по итогам 2015 года, стал более раздробленным и менее управляемым, но не менее взаимозависимым, а страны – не менее уязвимыми.

Но если в соотношении порядка и хаоса хотя бы имела место борьба, то по части того, что определяет глобальные тенденции – экономика или политика – в 2015 году произошел решительный перелом в пользу последней. По части определения поведения государств соображения политического влияния и престижа оказывались в уходящем году гораздо важнее, чем факторы экономической выгоды, взаимозависимости и прогресса. Либеральные утверждения о том, что стремление к росту и благополучию минимизируют межгосударственные конфликты и предотвращают военные столкновения, в очередной раз доказали свою эфемерность.

В целом общее состояние мира в 2015 году сильно напоминало начало XX века с его усилением великодержавных противоречий, расколом на противостоящие друг другу политически и военно-политически, но при этом связанные экономически блоки. Отличие нынешней ситуации – в наличии оружия судного дня и гораздо большей степени взаимозависимости и уязвимости всех перед всеми. Пока это удерживает от падения в пропасть.

Возвращение великодержавного соперничества

Одной из главных глобальных тенденций уходящего года было дальнейшее усиление великодержавного соперничества, которое в последнее время уверенно возвращалось в международную практику после короткого «однополярного» перерыва. В результате продолжала сокращаться способность мировых лидеров согласованно бороться с транснациональными вызовами и угрозами. Яркой иллюстрацией тому – беспомощность мирового сообщества перед угрозой «Исламского государства» (*запрещено в России – прим. Ред.*), продолжавшего расширять свою территорию в Сирии и Ираке. Причина – именно в неспособности мировых и региональных игроков договориться о том, как именно необходимо с этим злом бороться, и, более того, в попытках некоторых из них использовать ИГ для реализации своих насущных приоритетов. Например, для свержения режима Б. Асада в Сирии и минимизации иранского влияния в регионе.

Новая системная конфронтация России и США, начавшаяся в 2014 году, никуда

не исчезла. Напротив, она перешла в стабильное состояние, которое продлится, скорее всего, до прихода к власти в США новой администрации в 2017 году, и даже стала восприниматься как норма отношений. Продолжало усиливаться и американо-китайское соперничество, которое все более уверенно преобладает в общей – весьма противоречивой и неоднородной – повестке дня отношений Вашингтона и Пекина.

В основе этого соперничества не столько столкновение конкретных сиюминутных интересов сторон в тех или иных регионах, сколько их приверженность разным правилам игры, разным моделям международного порядка в наиболее значимых для них регионах и в мире в целом.

Так, США и Китай продвигают разные модели экономического порядка в Восточной и Юго-Восточной Азии и придерживаются разных представлений о правилах игры в отношениях великих держав в целом. В Азии и АТР США стремятся создать порядок, основанный на либеральных правилах, выгодных американскому бизнесу, и позиционирующий США в качестве бесспорного лидера, а Китай – как одного из присоединившихся игроков, и то если он с этими правилами согласится, что весьма маловероятно. Китай же стремится создать в регионе порядок вокруг себя, в котором Вашингтону нет места. На глобальном уровне Пекин требует большей роли в экономическом управлении и, не получая ее, создает альтернативные институты и механизмы (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, инструменты и институты БРИКС) и не соглашается с привычкой США применять военную силу и решать судьбу суверенных государств в одностороннем порядке. При этом колоссальная экономическая взаимозависимость и понимание того, что стороны жизненно необходимы друг другу для поддержания темпов роста и уровня благосостояния, все же удерживают их от открытой конфронтации.

В случае России и США такого сдерживающего механизма нет. В 2014 году их принципиальное несогласие по вопросу о том, какие правила игры должны регулировать поведение великих держав (например, могут ли они вмешиваться во внутренние дела друг друга; должны ли они учитывать жизненно важные интересы друг друга: имеют ли они право в одностороннем порядке объявлять одни режимы легитимными, а другие нет) и как должен выглядеть и формироваться международный порядок в Европе и на постсоветском пространстве, перешло на уровень открытой системной конфронтации. В 2015 году эта конфронтация – в силу нежелания сторон допускать еще большую эскалацию, чреватую открытым военным столкновением России и НАТО – приобрела относительно стабильные черты. Переломным моментом стало принятие Минских соглашений в феврале 2015 года, закрепивших ключевую формулу урегулирования и, по сути, фиксации новых правил игры в российско-западных отношениях на постсоветском пространстве: мир и территориальная целостность в обмен на конституционную реформу. В то же время с учетом нежелания ни Вашингтона ни Москвы идти на уступки и принимать правила, которые продавливают вторая сторона, эта конфронтация стала восприниматься как новая норма двусторонних отношений.

Второй фронт борьбы за миропорядок

В этом контексте одним из главных изменений 2015 года стало открытие Россией второго фронта борьбы за новые правила игры – началась военная операция в Сирии, сопровождаемая дипломатическими усилиями по продвижению политического урегулирования сирийского гражданского конфликта и по координации военных действий против «Исламского государства» и других действующих в Сирии террористических группировок. (Первый фронт – Украина и борьба за проведение там Конституционной реформы). Главная цель этих действий (помимо ослабления угрозы исламизма для самой России и ее соседей) – положить конец американской практике содействия смене режимов, остановить череду падений и разрушений государств на Ближнем Востоке и создать прецедент коллективного принятия решений по вопросам государственного суверенитета и войны и мира с участием России.

Первый после 1980-х годов прецедент военного участия России за пределами бывшего СССР имеет огромное глобальное значение. Впервые за все время после окончания холодной войны пала монополия США на внерегиональное применение силы. Порядок, при котором только Вашингтон выступал в качестве «глобального шерифа», окончательно разрушен.

Очевидно, что в случае успеха в Сирии, который понимается как запуск процесса политического урегулирования и реальная координация военных действий российской и американской коалиций, Россия сможет закончить конфронтацию с Западом на собственных условиях. Она получит шанс закрепить за собой место одного из лидеров нового – полицентричного – международного порядка.

Не случайно, что США восприняли российские действия в Сирии крайне негативно. Для них создание подобного прецедента не только нивелирует риторику последних двух лет об «изоляции» России. Оно символизирует их неспособность решать важные международные проблемы в одиночку, добиваться своих целей и воспрепятствовать другим центрам силы. По сути, речь идет о символическом крахе американского глобального лидерства в том виде, как он понимался в период после окончания холодной войны.

В силу нежелания США принимать новые правила игры в отношениях с Россией открытие «второго фронта» в Сирии на какое-то время привело к еще большему обострению конфронтационных отношений между Москвой и Вашингтоном. Апогеем столкновения двух действующих в Сирии коалиций стало уничтожение Турцией российского военного самолета СУ-24, ставшее первым открытым применением страной НАТО военной силы против России за всю историю существования альянса.

Однако вопреки желанию турецкого руководства данная провокация стала поводом к деэскалации российско-американских отношений по Сирии и создала предпосылки – впервые за все время после начала российской военной операции 30 сентября – для военного и дипломатического сотрудничества Москвы и Вашингтона по сирийскому конфликту. Инцидент показал, насколько близко Россия и США подошли к прямому военному столкновению России и НАТО, к неконтролируемой эскалации, которая рассматривается администрацией Обамы как полностью неприемлемый вариант и худшее из зол. Худшее – даже в сравнении сотрудничества с Россией по Сирии. В

результате Вашингтон сделал выбор в пользу даже более глубокого взаимодействия с Москвой, нежели просто исполнение меморандума о предотвращении военного столкновения. Пойдя на такое сотрудничество после трагедии с российским бомбардировщиком, США, помимо прочего, продемонстрировали Турции, что не поддерживают их политику провокаций и не станут добиваться «изгнания» России из Сирии путем разжигания прямой конфронтации между ней и американской коалицией.

Разумеется, сыграли свою роль и ноябрьские теракты в Париже, породившие вместе с миграционным кризисом искреннее и сильное желание европейцев положить конец сирийскому кризису и разделаться с ИГИЛ. На этом фоне отказываться от какого-либо сотрудничества с Москвой, выставляя себя препятствием на пути урегулирования в Сирии и совместной борьбы с ИГ, для США было рискованно.

В результате конец 2015 года был более удачным в части глобального военно-политического управления, чем его большая часть. Впервые с начала сирийского конфликта была принята резолюция СБ ООН, узаконившая основные принципы его урегулирования, прежде всего, положение о его разрешении путем переговоров между официальным Дамаском и той частью оппозиции, которая не относится к террористам. Россия настаивала на этом с самого начала. Причем инициаторами резолюции выступили Вашингтон и Москва, которые ранее не могли договориться практически ни о чем. Проблема Б. Асада отложена «на потом». Начато формирование делегации сирийской оппозиции для переговоров с режимом Б. Асада, перспектива которых приобрела реальные очертания впервые с 2012 года. Запущен процесс синхронизации списков действующих в Сирии террористических группировок. США впервые открыто заявили, что не настаивают на уходе Асада как об условии политических переговоров об урегулировании конфликта. То политическое и военное сотрудничество, о котором Россия говорила с первого дня своей операции в Сирии, и которое стало возможно исключительно благодаря этой же операции, впервые обрело реальные очертания.

Одновременно наметился прогресс по другому значимому аспекту глобального управления – сотрудничеству по борьбе с изменением климата.

Хотя итоговое соглашение парижской конференции имеет, по сути, необязательный характер и не содержит санкционных механизмов в отношении нарушителей, сам факт принятия универсального международного режима, пришедшего на смену Киотскому протоколу, говорит о том, что глобальное климатическое регулирование хотя и неэффективно, но, по крайней мере, живо.

Однако надеяться на то, что наметившийся в конце года прогресс в области глобального управления станет устойчивым трендом и преодолит тенденцию усиления великодержавного соперничества, увы, не приходится. Природа противоречий России и Китая (равно как и других незападных центров силы) с США имеет системный характер, и сотрудничеству по имеющимся транснациональным вызовам ее не преодолеть. Поэтому взаимодействие России и США по Сирии, скорее всего, не приведет к преодолению российско-американской конфронтации и быстрому установлению новых правил в отношениях между Вашингтоном и другими центрами силы.

Да и само сотрудничество по Сирии будет оставаться чрезвычайно трудным и хрупким. Не в последнюю очередь, потому что оно будет и далее торпедироваться и саботироваться региональными игроками – Турцией, Саудовской Аравией и даже Ираном. Вашингтон не отказался от цели добиться ухода Б. Асада, геополитического сдерживания Ирана и будет всячески стремиться не допустить того, чтобы данное сотрудничество воспринималось как прецедент появления новых правил игры по части глобального военно-политического регулирования и отношений между великими державами. Борьба США за глобальное лидерство и миропорядок, основанный на американских правилах и институтах, продолжится, равно как и сопротивление этому со стороны России, Китая и многих других стран. Все это будет способствовать неэффективности глобального управления, в том числе, по части борьбы с транснациональными вызовами и угрозами, и мешать переходу от нынешнего международного беспорядка к новому порядку.

Возвращение военной силы

Второй магистральной тенденцией и итогом 2015 года стало торжество политики над экономикой, причем не только во внешней политике России, где это выразилось особенно ярко, но и в мире в целом. По части того, что определяет поведение держав, соображения политического влияния, безопасности и престижа стали преобладать над экономической логикой. Данный тренд сформировался уже в 2014 году, когда Запад ввел односторонние экономические санкции против страны-члена «большой двадцатки» и на тот момент «большой восьмерки», поставив под удар универсальные механизмы глобального экономического управления и – в перспективе – свое собственное лидерство в управлении мировыми экономическими процессами. В 2015-м году этот тренд приобрел еще более вычурные формы.

Самым ярким примером стал российско-турецкий конфликт. Турция осознанно пожертвовала экономической взаимозависимостью с Россией ради внешнеполитической авантюры, целью которой было представить российскую операцию в Сирии как угрозу для НАТО, сплотить альянс против РФ, поднять уровень военно-политической конфронтации между ними на крайне высокий уровень и в итоге добиться изгнания России из Сирии. Иными словами, военная конфронтация с Россией (причем не только самой Анкары, но НАТО в целом) была вполне осознанной целью. Промежуточной, но все же. Москва, со своей стороны, с легкостью ударила по экономическим отношениям со страной, считавшейся ранее чрезвычайно значимым, а местами и незаменимым (например, по проекту «Турецкий поток») партнером.

Это делает международные отношения гораздо менее предсказуемыми и устойчивыми. Экономическая взаимозависимость традиционно казалась якорем, удержи-

вавшим отношения государств от резких колебаний в политической сфере. Сегодня это уже не работает, усиливая общую нелинейность, беспорядок и хаос.

Последнее влечет за собой третью магистральную тенденцию уходящего года: возвращение роли военной силы в международных отношениях и отношениях между великими державами, в частности.

Если на взаимозависимость как фактор безопасности рассчитывать нельзя, приходится полагаться на военную силу. Она вновь становится последним аргументом выяснения отношений в мире, где нормой является непредсказуемость, беспорядок и хаос. История с уничтожением Турцией российского военного самолета опять-таки, наглядный пример. Период, когда главной сферой конференции центров силы была экономика, по-видимому, заканчивается. В этой связи склонность российского руководства поддерживать военные расходы на относительно высоком уровне и даже наращивать их в условиях экономического кризиса, предпочитать военную мощь другим составляющим национальной силы не только не противоестественно, но полностью соответствует общемировым трендам.

Следует понимать, что усиление фактора военной силы и, как следствие, начало нового цикла милитаризации международных отношений, связано не только с тем, что Большой Ближний Восток надолго погрузился в пучину хаоса и перманентных войн, и что область нестабильности может – и, скорее всего, будет – расширяться. Военная сила необходима не только для того, чтобы защититься от угроз терроризма и региональной нестабильности. Она возвращается как фактор великодержавной конкуренции и распределения сил – даже несмотря на то, что «горячая» война между ними по-прежнему маловероятна из-за ядерного оружия. Это естественная реакция на возвращение великодержавного соперничества как такового. Последнее немислимо без гонки вооружений и обретает новые формы. Например, оно уже идет между Россией и Китаем, с одной стороны, и США – с другой, в киберпространстве – наиболее вероятной области войны между великими державами в XXI веке.

Таким образом, наращивание военных расходов Китая и гонка вооружений в АТР между КНР и США продолжатся, и их отношения будут все в большей степени характеризоваться военным соперничеством, сочетаемым с экономической взаимозависимостью и сотрудничеством по общим вызовам невоенного порядка. Равно как вернется в обычную практику демонстрация великими державами военной силы друг другу – как это делает Россия, нанося удары по целям в Сирии крылатыми ракетами из Каспийского региона.

Регионализация глобального управления

В области экономики главной тенденцией 2015 года стал решительный поворот в сторону региональных и макрорегиональных инструментов экономического управления. Глобализация, разумеется, не закончилась. Но она стремительно теряет универсальность в части образующих ее правил и институтов. Основной акцент в части выстраивания экономических порядков переносится мировыми игроками с глобального на макро- и трансрегиональный уровень. Главными событиями здесь стали подписание 5 октября США, Японией, Малайзией, Вьетнамом, Сингапуром, Брунеем, Австралией, Новой Зеландией, Канадой, Мексикой, Чили и Перу соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) и принятие Россией и КНР 8 мая меморандума о «сопряжении» Евразийского экономического союза и продвигаемого КНР проекта Экономический пояс «Шелкового пути» (ЭПШП).

Одновременно продолжались переговоры США и ЕС о другом макрорегиональном экономическом сообществе – Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), хотя и менее динамично, чем в случае с ТТП, а также переговоры Китая, Японии, Индии и стран АСЕАН о создании альтернативного экономического порядка в Азии – Регионального всестороннего экономического партнерства.

По сути, эти события открывают новую эпоху в развитии мирового экономического порядка и мировой истории, подводя черту под той глобализацией и тем глобальным экономическим управлением, которые мы наблюдали последние 25 – 30 лет. Универсальные механизмы по типу ГАТТ/ВТО не отмирают, но перестают быть главными приоритетами политики ключевых игроков по части создания благоприятных условий для их развития. На их место приходят региональные и макрорегиональные сообщества, правила и стандарты в которых существенно отличаются от правил и стандартов других сообществ, ведя тем самым к дальнейшей фрагментации экономического управления в условиях продолжающейся глобальной взаимозависимости.

Лидером этого процесса выступают США. Столкнувшись с невозможностью продвигать выгодные им правила на глобальном уровне ввиду стремления новых центров силы участвовать в их разработке, но и не желая при этом поступиться лидерством, США создают правила там, где это возможно – на уровне регионов и макрорегионов. Участниками ТТП являются традиционные союзники и близкие партнеры США и те страны, которые серьезно опасаются экономической, а вслед за ней – и политической, гегемонии Китая. Пекин из переговоров по ТТП был исключен и был приглашен в это сообщество Вашингтоном лишь после подписания соглашения в Атланте. Перспективными участниками ТТИП – страны ЕС и государства, находящиеся с ним в режиме ассоциации, но не Россия.

С одной стороны, задачи оставить незападные центры силы за бортом образуемых США региональных сообществ не стоит. Скорее, Китай, а также Россию и Индию, как бы ставят перед выбором: принять правила, написанные в Вашингтоне, или обречь себя на маргинализацию. Политика их вовлечения в ориентированный на США экономический порядок сохраняется, но приобретает более жесткий и отложенный во времени характер: вместо адаптации этого порядка к новым центрам силы происходит попытка вовлечь их в игру по тем правилам, которые были выработаны без них. Вашингтон по-прежнему проводит политику создания глобального экономического

порядка, но как бы «через заднюю дверь» - через создание региональных порядков и рассчитывая, что другие центры силы рано или поздно к ним присоединятся.

С другой стороны, вероятность того, что незападные лидеры безропотно примут эти правила и вольются в американский порядок через региональные сообщества, мала, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе. Пока налицо обратное. Китай пытается создать в АТР собственный проект Регионального экономического сообщества (РВЭП), которое объединяет все ведущие экономики Азии, но подчеркнуто не включает в себя США. Неофициально китайские эксперты и дипломаты отмечают, что если Китай когда-либо и присоединится к ТТП, то только на своих, а не согласованных в Атланте без его участия условиях.

Таким образом, на протяжении длительного времени экономический порядок в АТР, который уже превратился в эпицентр мировой экономики, будет носить фрагментарный характер, исключая участие США и Китая в одном и том же экономическом сообществе. Многие эксперты говорят о перспективе параллельного существования ТТП без Китая и РВЭП без США неопределенно долгое время. Аналогичным образом вероятно длительное существование ТТИП, если оно будет в итоге создано, без России. Поскольку именно эти региональные инструменты, а не ВТО, будут играть первоочередную роль в определении правил экономических отношений для США и Китая как двух главных полюсов мировой экономики, будет углубляться фрагментация экономического управления и распад мирового экономического порядка на несколько региональных сообществ.

В 2015 году процесс создания региональных сообществ распространился и на Евразию, хотя сопряжение ЕАЭС и ЭПШП в корне отличается от тех региональных блоков, которые создает Вашингтон. Если последние представляют собой своды правил, навязанных Соединенными Штатами и отражающих их приоритет глубокой либерализации, то «сопряжение» предполагает гибкую и взаимную адаптацию ЕАЭС и ЭПШП в целях взаимного соразвития: превращение ЭПШП в инструмент углубления евразийской экономической интеграции и такое развитие ЕАЭС, которое создавало бы максимальные выгоды для Китая. По определению речь здесь не может идти ни о региональном блоке, ни о навязывании одним игроком своих правил и стандартов всем остальным участникам. Равным образом, сопряжение ЕАЭС-ЭПШП не носит характер закрытого образования. Транспортные артерии в рамках Экономического пояса будут пролегать не только по территории стран Евразийского экономического союза. Приоритетным партнером Китая является ЕС, и цель ЭПШП – связать Евросоюз, ЕАЭС и Китай воедино. Тем не менее, речь идет о региональном проекте, результатом которого может стать создание большого экономического «Сообщества Большой Евразии», опирающегося на Китай и ЕАЭС, но включающего в себя также Индию, Иран, страны РВЭП и ЕС.

Итак, синхронизация в 2015 году процессов создания ТТП и сопряжения ЕАЭС-ЭПШП говорит о начале нового этапа глобализации и экономического управления. На место слабеющих универсальных режимов и институтов приходят макрорегиональные сообщества, формируемые вокруг США, с одной стороны, и России и КНР - с другой. И хотя экономические связи и взаимозависимость между этими сообществами

будут и далее носить весьма интенсивный характер, фрагментация мировой экономики на зоны разных правил и стандартов экономической политики и отношений будет нарастать. Этот процесс совпадает с возвращением открытого великодержавного соперничества и, по сути, является его частью. Таким образом, мир, оставаясь глобально взаимозависимым, становится фрагментированным по части управления – правил и институтов регулирования мировой экономики и политики.

Хотя главным выражением этой фрагментации является перенос центра тяжести экономического управления на региональный и макрорегиональный уровень, она происходит и в глобальном масштабе. В 2015 году продолжился процесс создания альтернативных механизмов глобального экономического управления как реакция незападных центров мировой экономики на нежелание США и Запада в целом делиться полномочиями в рамках традиционных институтов и, более того, на их склонность использовать свое лидерство в этих институтах в политических целях. Если в 2014 году главным примером этого были односторонние санкции США и ЕС против России, то в уходящем году им стало решение Запада по-быстрому изменить правила МВФ для того, чтобы не допустить дефолта поддерживаемой Западом Украины. На фоне длящейся годами неспособности США и ЕС осуществить реформу этого института, чтобы привести его в соответствие с новым распределением сил в мировой экономике, моментальная реформа под Украину стала вопиющим примером того, что традиционные институты глобального управления реализуют политические задачи США и их ближайших союзников. Незападным игрокам ничего не остается, кроме как создавать собственные механизмы.

Среди этих механизмов в 2015 году наиболее интенсивно создавались Банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Соглашение о создании Банка развития БРИКС, капитал которого на первом этапе составит 100 млрд. долларов и который будет управляться странами объединения, в уходящем году ратифицировали Россия и Китай, тем самым открыв путь к практическому запуску его работы в 2016 году. Также в июне 2015 года 57 стран подписали соглашение о создании АБИИ, тремя крупнейшими акционерами которого с долями в 26,6%, 7,5% и 5,92% голосов соответственно стали Китай, Индия и Россия. Оба института позиционируются как прямые конкуренты МВФ, Всемирному банку и контролируемому Японией Азиатскому банку развития.

Эмансипация региональных игроков

Наконец, важной тенденцией изменения глобальной среды 2015 году стала дальнейшая эмансипация средних и региональных держав, которая вышла к концу года на качественно новый уровень. Региональные игроки уже не только отказываются

следовать лидерству мировых грандов, но открыто бросают им вызов и саботируют принимаемые ими решения. Наиболее ярко это проявляется вокруг Сирии, где Турция и Саудовская Аравия проводят собственную политику, которая местами входит в прямое противоречие с политикой и интересами США. К концу года по некоторым аспектам сирийского урегулирования администрация Обамы оказалась ближе к Москве, чем к своим главным ближневосточным союзникам.

Самым вопиющим примером подобной эмансипации стало уничтожение турецкими ВВС российского военного самолета в Сирии 24 ноября 2015 года, которое, судя по дальнейшим шагам и Вашингтона и Анкары, не согласовывалось с руководством администрации Обамы. Безопасность НАТО, США и мира в целом была отдана на откуп региональным амбициям Турции и личным амбициям ее руководства. Анкара, по сути, решила прикрыться своим старшим союзником, проводя при этом противоречащую американским интересам политику (косвенная поддержка ИГИЛ, война против сирийских и иракских курдов и содействие сохранению Сирии в состоянии хаоса). Скорее всего, подобную политику Турция будет проводить и далее, тем самым саботируя поддерживаемые Вашингтоном решения о политическом урегулировании сирийского конфликта, пресечении финансирования ИГИЛ, незаконном импорте контролируемой группировкой нефти и о большей координации военных действий с Россией.

Кроме того, рубежность данного шага заключается в откровенном нарушении Турцией негласных, но важных правил игры, регулирующих отношения между государствами. Не находясь в состоянии войны и не имея территориальных и прочих жизненно важных противоречий, региональная держава бросила прямой и дерзкий вызов глобальному игроку – второй ядерной сверхдержаве и постоянному члену СБ ООН. Причем сделала это трусливо – прикрывшись членством в НАТО. Тем не менее, сделана заявка на то, чтобы встать на одну доску с мировыми лидерами по части принятия решений по вопросам войны и мира и судьбы суверенных государств.

Аналогичный, хоть и менее дерзкий и чреватый эскалацией шаг, совершила в конце года Саудовская Аравия, объявив о создании третьей – мусульманской (а вернее, суннитской) – коалиции по Сирии. Причем, именно в тот момент, когда в отношениях между условно американской и российской коалициями появились первые проблемы сотрудничества, а процесс политического урегулирования, казалось, сдвинулся с мертвой точки. Очевидно, что главная роль саудовской коалиции, которая пускай и будет оставаться главным образом на бумаге – спойлер. Ее цель – максимально торпедировать процесс переговоров между режимом Асада и оппозицией и не допустить того, чтобы в новой сирийской государственной конфигурации было место для влияния Ирана. По сути, это означает срыв предпринимаемых Вашингтоном и Москвой усилий. При этом США ничего не могут поделать ни в первом, ни во втором случае. Возможностей дисциплинировать Анкару и Эр-Рияд на сегодняшний день и в обозримой перспективе нет.

Данная эмансипация, которая продолжится и в 2016 году, существенно усложняет глобальное управление и обрекает на провал даже гипотетические попытки формирования «концерта держав». Даже если ценой невероятных уступок со стороны США или России он и будет создан (что крайне маловероятно само по себе), региональные

игроки моментально превратят его в какофонию.

... Мир вступает в 2016 год в значительно более фрагментированном, раздробленном и сложном состоянии. Это касается и экономики, и политики, и безопасности. Но при этом мир остается глобализированным, взаимозависимым и, следовательно, хрупким.

#Valdaiclub

Valdai Club

Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ